

А.В. Алексеев

Гарантия спроса: паллиатив или выход из стагнационной ловушки?¹

УДК 330

Аннотация. В работе рассматривается проблема выхода из стагнационной ловушки, в которую попала российская экономика в результате некритической имплементации в практику управления основных положений неолиберальной теории, ничем неоправданного стремления вписаться в глобальные экономические связи на любых условиях, слабого запроса российского общества на осмысление роли государства в управлении экономикой и низкого качества этого управления. Обосновывается необходимость резкого усиления стратегического планирования, придания нового качества государственному управлению экономикой в части расширения ответственности за формирование гарантированного спроса на продукцию масштабных инвестиционных проектов отечественного бизнеса, адаптации института государственно-частного партнерства к изменившимся после февраля 2022 г. реалиям.

Ключевые слова: экономический рост; глобальная экономика; неолиберализм; стратегическое планирование; государственно-частное партнерство; суверенитет

«Безвыходным мы называем такое положение, очевидный выход из которого нам не нравится».

Станислав Ежи Лец

Введение

Российское общество уже более десяти лет ищет ответ на неприятный, но не теряющий актуальности вопрос: «Почему экономическое развитие страны практически остановилось?». Действительно, с 2000 г. по 2008 г. – за 8 лет – ВВП страны вырос на 66%, среднегодовые темпы его роста составляли 5,8% в год. А с 2008 г. по 2022 г. – за 14 лет – только на 13,3%, т.е. ВВП вырастал ежегодно менее чем на 1%.

Да, последние полтора десятилетия богаты негативными событиями: 2008–2009 гг. – годы кризиса – в 2009 г. ВВП упал на значимые 8 п.п. Но уже в 2011 г. предкризисный уровень ВВП

¹ Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.6.4. (0260–2021–0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности» № 121040100281–8.

восстановился. В 2012 г. слабый, по меркам первого десятилетия нового века, рост ВВП сохраняется, но с 2013 г. начинает затухать; 2014–2015 гг. – начало санкционной войны против России. Снова абсолютное сокращение (небольшое) ВВП в 2015 г.: 2020 г. – ковидный год с сокращением ВВП на 3 п.п.; 2022 г. – начало украинского кризиса, сокращение ВВП еще на 2 п.п.

Тем не менее, согласно китайской философии, кризис – это не только угрозы, но и возможности. Так, ВВП США, а у американской экономики тоже было немало проблем, с 2008 г. по 2022 г. вырос на 28%². Америка, конечно, не подпадала под санкции подобно России, но, очевидно, именно финансово-экономическая мощь США, как бы критически к ней ни относились в политическом дискурсе последних лет, позволяет облагать санкциями другие страны, а не наоборот.

Почему хорошо работавшая в нулевые годы модель российского экономического роста вдруг сломалась? Что необходимо предпринять, чтобы выйти, наконец, из стагнационной ловушки? Остановимся на этих вопросах подробнее.

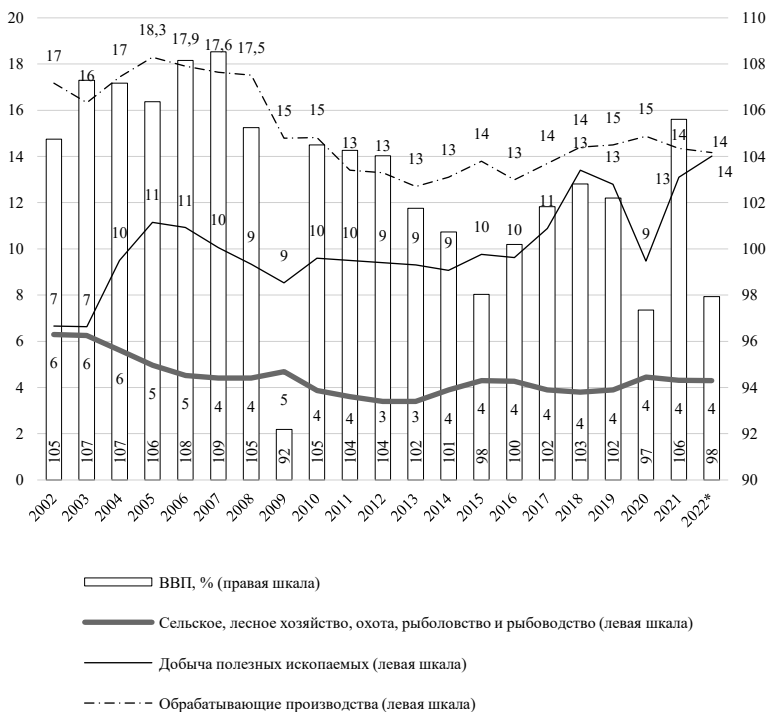
Мы говорим стагнация, подразумеваем – глобальная экономика, мы говорим глобальная экономика, подразумеваем – стагнация

При ближайшем рассмотрении российская модель экономического роста оказывается вовсе не так хороша, как представляется на первый взгляд. Именно в нулевые годы в структуре добавленной стоимости начала быстро расти доля добывающих отраслей и снижаться – сельского хозяйства (рисунок). Обрабатывающий сектор быстро трансформировался из производственного в преимущественно сборочный с исчезновением целых подотраслей изготовления сложной машинотехнической продукции. Так, уже к 2016 г. по 40% (!) позиций в производстве машин и оборудования выпускалось меньше продукции, чем в 2000 г. [Новый импульс, 2022].

Данный формат в точности соответствовал задачам встраивания национальной экономики в мировую, в российском случае – на правах сырьевого придатка. Действительно, если

² Рассчитано по Table 1.1.3. Real Gross Domestic Product, Quantity Indexes, Bureau of Economic Analysis. URL: https://apps.bea.gov/iTable/?isuri=1&reqid=19&step=4&categories=flatfiles&nipa_table_list=1

в 2002 г. валовая добавленная стоимость в обрабатывающих производствах в 2,6 раза превосходила аналогичную величину в добыче полезных ископаемых, то к 2022 г. они практически сравнялись. К концу нулевых годов задача интеграции/подчинения российской экономики мировой была в основном решена. В логике функционирования глобальной экономики отпала и необходимость в динамичном развитии ее российской части.

Источник. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 18.04.2023).

Примечание. * Без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Структура валовой добавленной стоимости
по отраслям экономики (в текущих основных ценах)
в 2002–2022 гг., % к итогу

Рыночный механизм: тактическая эффективность против стратегической перспективы

Переход российской экономики к стагнационному формату развития во втором десятилетии нового века трактуется по-разному, но доминирующих объяснений три:

1) быстрое снижение цены на основу российского экспорта – нефть: со 112 долл./барр. в 2012 г. до 42 долл./барр. в 2020 г.;

2) российская институциональная система оказалась недостаточно хороша, чтобы полностью использовать потенциал рыночных сил;

3) ЦБ РФ проводит *странную* монетарную политику, ориентированную на купирование спроса, с одной стороны, и ограничения инвестиционной активности – с другой.

Каждый из этих факторов – предмет отдельного рассмотрения [Порфирьев и др., 2020]. Сосредоточимся на том, что их объединяет.

Россия – страна с рыночной экономикой. Безусловная сила такой экономики – наличие в ней встроенных механизмов контроля эффективности принимаемых инвестиционных решений. За этим, не вызывающим сомнения положением, остается в тени слабая сторона рынка: качество инвестиционных решений обратно пропорционально их временному горизонту. С отбором быстро окупаемых проектов рынок справляется прекрасно. С проектами, окупаемость которых отдалена во времени или неопределенна – существенно хуже, а в условиях не лучшей институциональной среды, не справляется вовсе.

Иными словами, рыночный механизм не вполне адекватен масштабным задачам пространственного развития, за отдельными достижениями на кратко- и на среднесрочном горизонте, легко маскирует консервацию, деградацию обрабатывающего сектора, формирующего основу развития экономики на перспективу. Таким образом, не стоит ожидать, что с его помощью удастся ответить на стоящие перед Россией вызовы, реализовать стратегически значимые для российской (не глобальной!) экономики проекты.

Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что российская институциональная система далека от идеала: в 2004–2005 гг.

она занимала 89-е место из 104 стран³, в 2016–2017 гг. – 88-е из 138 стран⁴. Это сдвигает и без того не слишком далекий в нашей стране горизонт рыночных решений еще более влево.

Неолиберализму – нет, госуправлению – да?

Государство, претендующее на сколько-нибудь серьезную роль в современном мире, не на словах, а на деле отстаивающее свой суверенитет, не может не осуществлять крупные проекты, нацеленные как на технологическое, так и на пространственное развитие. Скажем больше – такое развитие возможно *только* при активном участии государства в регулировании экономической деятельности [Яковлев и др., 2023; Соснин, 2023].

Ни одна сколько-нибудь развитая экономика никогда не уклонялась от формирования и взращивания сильных национальных производителей с помощью и по инициативе государства [Райнерт, 2021]. Что, впрочем, только усиливало их желание убедить страны-конкуренты действовать с точностью до наоборот. Вот и в России все еще сохраняет популярность экспортная версия современной неолиберальной теории рыночной экономики.

Убежденность в том, что реализация и администрирование инвестиционных проектов государством существенно менее эффективно, чем бизнесом, широко распространена в РФ. Доказательство этого тезиса обычно ограничивается отсылкой к аксиоме: «частный собственник управляет своей собственностью эффективнее, чем государство общественной» и сопровождается легкой подменой понятий, поскольку в действительности реализация крупных проектов – это вопрос не *текущей эффективности, а базового условия существования суверенного государства*. Из сильного аргумента не в пользу рынка – в низкокачественной институциональной среде коррозия рыночного механизма достигает такого уровня, что абстрактное противопоставление неэффективного государства и эффективного рынка теряет смысл – делается весьма спорный вывод: дальнейшее развитие рыночных отношений *неизбежно* улучшит институциональную систему.

³ The Global Competitiveness Report 2004–2005. URL: http://www.ieseinsight.com/casos/Study_0035.pdf, P. XVII.

⁴ The Global Competitiveness Report 2016–2017. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2016–2017–1>, P. 307.

Многочисленные примеры неэффективного управления частными предприятиями, с точки зрения сторонников неолиберальной теории, только усиливают их позиции: рынок рассудит. Если же вместе с неэффективными производителями начинает распадаться и национальная экономика – при этом ее отдельные эффективные производители вписываются в глобальную – так тому и быть. Именно это мы и наблюдали в российской экономике до февраля 2022 г.

Наличие госкорпораций – организаций не вполне рыночных, возможно, не слишком эффективных, но критически значимых для российской экономики, формирующих ее экономический хребет и предопределяющих существование и развитие множества частных компаний, рассматривается неолибералами как некое досадное отклонение от теории, несовершенство российской экономики. При этом они лелеют надежду, что со временем эти компании удастся привести к стандартному рыночному формату.

Разрешение рассмотренного противоречия между рыночным и государственным началами в регулировании экономической деятельности, на наш взгляд, очевидно: в условиях невысокой эффективности действующей рыночной модели государство должно взять на себя большую долю ответственности за развитие экономики, либо (а лучше – и) провести апгрейд институциональной системы [Симачев, Кузык, 2020].

Надежда на такой апгрейд, увы, невелика: в последние два десятилетия здесь наблюдался медленный прогресс, но к ускорению развития национальной экономики это не привело. Да и само улучшение институциональной системы – паллиатив: горизонт инвестиционных решений понемногу сдвигается вправо, но само качество этих решений все же не вполне соответствует вызовам, стоящим перед страной.

Остается надежда на государство, которое уже просто обязано вплотную и непосредственно заняться проблемой изжившей себя модели воспроизводства экономики, активировать новые факторы развития, обеспечить транзит к новой модели роста.

Здесь и речи нет о том, чтобы вернуться в прошлое – возродить Госплан образца СССР, обобществить средства производства, т.е. отказаться от институтов рынка. Задача сегодняшнего дня – создать организационно-управленческую систему,

позволяющую интегрировать силу государственного подхода и рыночных механизмов и купировать их недостатки.

Система, позволяющая решить проблему провалов рынка, достаточно сложна, но вполне реализуема в современной России. Самое трудное здесь – сделать первый шаг, отказаться от догмата неолиберальной теории «потребитель не должен страдать от неэффективного производителя (имеется в виду – российского), при наличии эффективного (подразумевается – западного)». Смысл этого когда-то навязанного нам тезиса, конечно, не в заботе о российском потребителе, а в создании условий для уничтожения российского производителя более сильным на текущий момент зарубежным. Нет национального производителя – нет и угрозы, что из неэффективного он вырастет в эффективного.

По сути, *речь идет о придании нового качества институту государственно-частного партнерства (ГЧП)* [Алексеев, Тесля, 2020]. В настоящее время под ГЧП понимаются контрактные средне- и долгосрочные отношения между государством и частным инвестором с четко определенными обязательствами и зафиксированными параметрами реализации проекта. Государству, которому до последнего времени под различными предложениями (точнее, уловками) удавалось уклоняться от принятия решений, всерьез мотивирующих (и заставляющих) бизнес развиваться вглубь (развитие обрабатывающей промышленности) и вширь (на восток) для решения долгосрочных задач национального развития, придется четко сформулировать цели развития национальной экономики на долгосрочную перспективу с детализацией решаемых задач во времени, выделяемыми ресурсами и ответственными за их выполнение. Краеугольным камнем разрабатываемой стратегии станет *гарантия спроса* на продукцию отечественных компаний в рамках реализации стратегии национального развития.

Гарантия спроса: отступление рынка или его победа?

Проблема гарантированного спроса и его влияния на экономический рост в научной среде обсуждается давно [Губанов, 2014]. Ее значимость отмечена и на высшем государственном уровне. Так, на пленарном заседании ПМЭФ (июнь 2022 г.) Президент РФ В.В. Путин говорил: «Пятое и, возможно, самое важное – необходимо создать механизмы гарантированного долгосрочного спроса на новую инновационную продукцию, которая только

выходит на рынок. Обращаю внимание Правительства: такой льготный режим и соответствующие промышленные кластеры должны заработать уже с 1 января 2023 года»⁵.

Главное в проблематике гарантированного спроса – правильно задать границы его применения. Данный институт применим для крупных капиталоемких проектов, определяющих относительную независимость российской экономики по критически значимым видам продукции. Таковых довольно много, но не настолько, чтобы их было невозможно отразить в стратегических документах, определяющих развитие страны.

Использование института гарантированного спроса потребует резкого повышения качества госуправления экономикой. Расчет параметров, цен, сроков, условий реализации продукции в рамках гарантированного спроса потребует придания нового качества индикативному планированию. В условиях быстрого развития информационных технологий, наблюдаемой «оцифровки» экономики это непростая, но решаемая задача.

Гарантированный спрос – обоюдоострый инструмент. С одной стороны, это мощный стимул к активизации инвестиционного процесса. С другой – серьезная угроза создания синекуры, позволяющей бизнесу производить низкокачественную продукцию по произвольным ценам. Правительству предстоит огромная работа, чтобы этого не допустить.

Отметим, что драматизировать проблему не стоит. Методологически она давно решена: на первом этапе инвестору предоставляется гарантия на выкуп 80–100% продукции (при условии ее соответствия оговоренным параметрам), на втором – 50–80%, в дальнейшем возможен полный отказ от гарантий сбыта. Длительность периода и доля гарантированного сбыта в каждом конкретном случае оговариваются отдельно. Такой подход позволяет мотивировать бизнес к созданию производственных мощностей по выпуску технически сложной продукции, но не дает ему возможности расслабиться в силу постепенной активации механизма конкуренции.

Главная проблема гарантированного спроса – не столько его формирование и администрирование, сколько выдерживание

⁵ Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин на пленарном заседании ПМЭФ-2022 – Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/06/17/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-na-plenarnom-zasedanii-pmef-2022.html>

государственных интересов в процессе как подготовки, так и, особенно, реализации крупных инвестиционных проектов. Бизнес всегда будет стремиться переложить часть затрат и рисков на публичную сторону. Российский и мировой опыт реализации ГЧП-проектов свидетельствует, что не существует универсального метода борьбы с оппортунистическим поведением бизнеса, его сращивания с отдельными представителями органов государственного управления. Впрочем, несмотря на это обстоятельство, институт ГЧП продолжает развиваться.

В России проблема коррупциогенности ГЧП в целом и гарантированного спроса, в частности, также чрезвычайно остра. При этом накоплен и немалый опыт по ее решению. Главное же, о чем нужно помнить: альтернатива потенциально небезупречному с точки зрения возможных злоупотреблений институту гарантированного спроса – отказ бизнеса от реализации стратегически значимых инвестиционных проектов, что гораздо хуже. Нельзя выбрасывать вместе с водой ребенка.

Подчеркнем: использование инструмента гарантированного спроса в том или ином формате ГЧП для активизации инвестиционного процесса в стране – не столько экономическое, сколько политическое решение.

До февраля 2022 г. у сторонников интеграции российской экономики в мировую был сильный, как им казалось, аргумент: госгарантии спроса на продукцию обрабатывающих отраслей входят в противоречие с нормами ВТО. Поэтому ГЧП в обрабатывающих секторах российской промышленности до последнего времени было скорее исключением, чем правилом. Этот аргумент давно потерял свою силу, но госгарантии спроса на продукцию, создаваемую в рамках новых инвестиционных проектов если и работают, то только в оборонном комплексе. В гражданских секторах, судя по вялой инвестиционной динамике, их как не было, так и нет.

Паллиативный вариант госгарантий – введение секторальных контрсанкций всерьез пока не обсуждается. С одной стороны, это не представляется актуальным – российская экономика и так под санкциями, с другой: до того ли сейчас? Не время. Аргументы слабые: бизнес быстро находит альтернативные источники поставок сложной продукции. Проявившаяся очевидная необходимость создания производственной системы, обеспечивающей

стратегическую независимость страны, «зависает», теряет фокус, решается в лучшем случае фрагментарно.

Показателен пример введенного еще в 2014 г. запрета на ввоз в Россию отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Споры о целесообразности этого решения не утихают до сих пор, но результат налицо: если по экономике в целом среднегодовые темпы прироста добавленной стоимости за 2014–2022 гг. составили 1%, в добыче полезных ископаемых – также 1%, в обрабатывающих производствах – 1,8%, то в сельском хозяйстве – 2,2%⁶.

Предложения о введении подобного режима для обрабатывающих производств звучат, но сколько-нибудь системных мер в этом направлении не предпринимается. И понятно почему: введение контрсанкций по значимой номенклатуре продукции обрабатывающей промышленности означает официальное признание несостоятельности пути вписывания российской экономики в глобальную на предлагаемых ей условиях, отказ от роли сырьевого придатка и от догматического следования нормам ВТО, направленным на поддержание сложившегося мирового порядка. Отказ от одного из фундаментальных постулатов неолиберальной теории: «эффективный глобальный товаропроизводитель для национальной экономики лучше, чем неэффективный отечественный». Наконец, это, по сути, заявка на реальный суверенитет.

Беззащитность отечественного производителя сколько-нибудь сложной продукции перед сильным зарубежным конкурентом, очевидно, является отражением слабости российского обрабатывающего сектора. Сильный же товаропроизводитель действует по небезызвестной формуле «что хорошо для нашей страны, хорошо и для “Дженерал моторс”, и наоборот. Это одно и то же»⁷. И государство не может игнорировать его интересы.

События последних лет неизбежно изменяют российскую экономику, уже меняют. Для того чтобы эти изменения не приняли деструктивный характер, необходимо перейти к стратегическому

⁶ URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FVDS_god_OKVED2_s2011-2022.xls&wdOrigin=BROWSELINK

⁷ Вильсон Ч., президент американской корпорации «Дженерал моторс». URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3499/%D0%A7%D1%82%D0%BE?ysclid=lg8c9g7e138496764

планированию, придать новое качество государственному управлению экономикой в части расширения ответственности за формирование гарантированного спроса на продукцию масштабных инвестиционных проектов отечественного бизнеса, адаптировать институт государственно-частного партнерства к изменившимся после февраля 2022 г. реалиям.

Литература /References

Алексеев А.В., Тесля П.Н. Мировой опыт ГЧП: пятна на солнце // ЭКО. 2020. № 3. С. 136–159. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–3–136–159

Alekseev, A.V., Teslia, P.N. (2020). The Global Experience of PPP: Spots on the Sun. ECO. No. 3. Pp. 136–159. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–3–136–159

Губанов А.Ю. Гарантированный спрос и его влияние на динамику экстенсивных и интенсивных составляющих экономического роста // Аудит и финансовый анализ. 2014. № 3. С. 125–132.

Gubanov, A.Yu. (2014). Guaranteed demand and its impact on the dynamics of extensive and intensive components of economic growth. Audit and financial analysis. No. 3. Pp. 125–132. (In Russ.).

Новый импульс Азиатской России / Под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Суслова; Сиб. отд-ние РАН, ИЭОПП СО РАН. Новосибирск: СО РАН: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2022. 572 с.

New Impulse of Asian Russia (2022). Ed. V.A. Kryukov, N.I. Suslov; Siberian Branch of RAS, IEIE SB RAS. Novosibirsk: SB RAS: IEIE SB RAS. 572 p. (In Russ.).

Порфирьев Б.Н., Широков А.А., Узьяков М.Н., Гусев М.С., Шокин И.Н. Основные направления социально-экономического развития в 2020–2024 гг. и на период до 2035 г. // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3. С. 4

Porfiriyev, B.N., Shirov, A.A., Uzyakov, M.N., Gusev, M.S., Shokin, I.N. (2020). The main directions of socio-economic development of Russia in 2020–2024 and for the period up to 2035. *Studies on Russian Economic Development*. Т. 31. No. 3. Pp. 245–253. (In Russ.).

Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ГУ ВШЭ, 2021. 384 с.

Reinert, E. (2021). *How rich countries got rich*. Moscow. HSE. 384 p. (In Russ.).

Симачев Ю.В., Кузык М.Г. Государственная поддержка предприятий: бенефициары и эффекты // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 63–83.

Simachev, Yu., Kuzyk, M. (2020). State support for enterprises: beneficiaries and effects. *Voprosy ekonomiki*. No. 3. Pp. 63–83. (In Russ.).

Соснин Э.О. Поддержка бизнеса в Пермском крае: комплекс реализованных мер в 2022 году и достигнутые результаты // ЭКО. 2023. № 4. С. 64–73. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2023–4–64–73

Sosnin, E.O. (2023). Business Support in Perm Krai: a set of Implemented Measures in 2022 and Achieved Results. ECO. No. 4. Pp. 64–73. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2023–4–64–73

Яковлев А.А., Фрейнкман Л.М., Ершова Н.В., Агалян А.А. Оценка эффективности инструментов промышленной политики в России: новые подходы // ЭКО. 2023. № 2. С. 60–83. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-2-60-83

Yakovlev, A., Freinkman, L., Ershova, N., Ahalian, A. (2023). Assessing the Effectiveness of Industrial Policy Instruments in Russia: New Approaches. *ECO*. No. 2. Pp. 60–83. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-2-60-83

Статья поступила 25.05.2023

Статья принята к публикации 27.05.2023

Для цитирования: Алексеев А.В. Гарантия спроса: паллиатив или выход из стагнационной ловушки? // ЭКО. 2023. № 7. С. 39–50. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-7-39-50

Информация об авторе

Алексеев Алексей Вениаминович (Новосибирск) – доктор экономических наук. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.

E-mail: avale@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4068-5951

For citation: Alekseev, A.V. (2023). Demand Guarantee: Palliative or a Way Out of the Stagnation Trap? *ECO*. No. 7. Pp. 39–50. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-7-39-50

Summary

A.V. Alekseev

Demand Guarantee: Palliative or a Way Out of the Stagnation Trap?

Abstract. The paper considers the problem of getting out of the stagnation trap, in which the Russian economy has fallen as a result of uncritical implementation in the practice of economic management of the basic provisions of neoliberal theory, unjustified desire to fit into the global economy on any terms, weak demand of the Russian society for understanding the role of the state in economic management and low quality of this management. The article substantiates the need for dramatic strengthening of strategic planning, giving a new quality to the state economic management in part of expanding the responsibility for the formation of a guaranteed demand for products of large-scale investment projects of domestic business, the adaptation of the institution of public-private partnership to the changed after February 2022 realities.

Keywords: *economic growth; global economy; neoliberalism; strategic planning; public-private partnership; sovereignty*

Information about the author

Alekseev, Alexey Veniaminovich (Novosibirsk) – Doctor of Economic Sciences, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS.

E-mail: avale@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4068-5951